

Духовный опыт в зеркале психологического знания

В статье раскрываются основные психологические подходы к проблеме духовности человека и анализируются признаки, её определяющие. Феноменология духовности представлена через категорию опыта. Дано определение духовного опыта. Содержательно определены его виды и уровни: творческий, моральный, религиозный. Показан психологический механизм формирования и осуществления творческого опыта. Представлена авторская модель феноменологического дискурса лжи. Познание лжи. Переживание лжи. Проживание лжи. Противостояние лжи. Раскрыта психологическая структура религиозного опыта: религиозное знание, религиозное переживание и религиозный культ. Описан психологический анализ мистического опыта.

Ключевые слова: духовность; опыт; творческий опыт; моральный опыт; этапы морального опыта; религиозный опыт; мистика; культ; откровение; покаяние; идентичность; совесть; интуиция; ложь; обман; самообман; личность.

А.В. Мыррин

Духовность есть проявление духа. Русский мыслитель С.Л. Франк объясняет: «Если душа больше связана с индивидуальностью человека, то дух — с его личностью, дух — источник жизни души. Нет возможности определить точную границу между душой и духом, поэтому говорят об их взаимопроникновении, которое теоретически невыразимо. Дух ни трансцендентен, ни имманентен душе, а стоит к ней в каком-то третьем, уже несказанном отношении» [23].

В психологии есть два пути к познанию духовности: первый — через психологию религии и познание, прежде всего религиозной духовности; второй — путь непосредственного осмысления духовности, который предлагают гуманистическая и экзистенциальная психология.

Понятия духа, духовности постоянно ускользают от определения. Однако феноменология духа показывает нам, что, во-первых, духовность обнаруживается в преодолении повседневности (если это преодоление не принимает формы эскапизма), во-вторых, духовное преодоление повседневности является индивидуализированным: в пространство повседневности вносится личностное начало; в-третьих, это преодоление повседневности не сводится к обращению к другой повседневности: духовность выражается в привнесении в повседневность дополнительных, но вместе с тем возвышающих смыслов¹.

Проблема духовности как предмета психологии была поставлена в описательной или «понимающей психологии» конца XIX — начала XX в. Возникает само различие «наук о природе» и «наук о духе» с определением специфики последних (В. Дильтей), а духовность связана с ценностями (Э. Шпрангер). Во второй половине XX в. в послевоенной психологии проблема духовности рассматривалась в ряде подходов гуманистической психологии, преимущественно её трансперсональной и экзистенциальной ветвей.

Общим для многих исследований духовности является признание её связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, божественными или космическими силами. Наряду со свободой и ответственностью духовность рассматривалась сущностным атрибутом существования человека, достигшего личностной зрелости.

Говоря о духовности человека, мы имеем в виду прежде всего нравственный строй, способность руководствоваться в своём поведении «высшими ценностями» индивидуальной и общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты. В быту духовность предполагает такие формы деятельности человека, которые не обусловлены напрямую его наследственными генетическими программами, не направлены на реализацию низших биологических потребностей, не приносят человеку прямой материальной выгоды и т.д.

При достижении духовности на смену узколичным потребностям, жизненным отношениям и личностным ценностям, определяющим жизнь, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей. Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне. Духовные ценности содержательно мотивируют «свободу для», а их неиерархические взаимоотношения создают непредопределённость свободного выбора между ними.

Духовность мы можем определить как феноменальную категорию, содержанием которой выступает жизнь человека, проживаемая в полноте уникального опыта внутренних переживаний (чувств), опосредованных традиционными культурными средствами — символами; яв-

Александр Валерьевич Мыррин — практикующий психолог, психотерапевт, Военный университет Министерства обороны РФ

¹ Например, императив «Имей в себе Бога», который В.С. Соловьёв сформулировал как требование религиозной нравственности в наиболее строгом виде, выражает этот смысл духовности и показывает, что работа духа всегда представляет собой мистическую практику. Условием так понятого духовного возвышения является аскетика как сознательное противодействие искушениям плоти и слабостям души.

ляясь проявлением духа в мире и человеке, духовность есть объединяющее начало общества, выражаемое в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства.

Перефразируя утверждение титана эпохи Возрождения Леонардо да Винчи о том, что «Мудрость есть дочь опыта», скажем, что «духовность есть дочь опыта» и достигается (проясняется, углубляется, развивается) не на путях пассивного наблюдения и восприятия жизни, а посредством активного, целенаправленного опыта заботы о жизненном мире, переживания и преобразования его.

Применяя категорию опыта как чувственно-эмпирического отражения и преобразования внешнего мира к психологическому анализу духовности, условно можно выделить три сферы человеческого опыта, наиболее значимых для формирования духовности: творческий, моральный и религиозный опыт.

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ

О творческом опыте лучше всего судить по его вершинам — высшим проявлениям в искусстве, науке, музыке, кинематографе, театре и т.п. Но как, ведь область таланта безгранична и вряд ли объяснима исчерпывающим образом? Неслучайно А.С. Пушкин в «Египетских ночах» говорит: «Всякий талант неизъясним» [16].

Связь творческого опыта и духовности подчёркивает автор труда «Психология духовности» А.И. Зеличенко, также отмечая, что психологический анализ творческого опыта — это всегда интрига: «...ценность содержания произведения определяется его духовностью, то есть тонкостью его материи» [9].

По нашему мнению, любые обращения к таланту и его творческому опыту только тогда обнаруживают его мощь, масштаб и значение, когда открывают его «трагедийное» (конфликтное) состояние.

В чём, к примеру, суть и смысл трагедии «Гамлет, Принц Датский» у Шекспира? Какую мысль интуитивно хочет высказать Л.С. Выготский, анализируя шедевр классика «Гамлет»? Мы явно начинаем понимать, что трагедия не в скорби одиночества, а в духовном преодолении этого состояния, через парадоксальное, если хотите, молитвенное воссоединение с её источником. Л.С. Выготский говорит о борьбе противоположностей, преодолении одного другим и в этом видит главный контрапункт подлинного произведения искусства [3].

Психическая реальность «другого» — это тоже шедевр, шедевр природы и многомиллионной эволюции живого мира. А работа с шедевром требует и налагает особую ответственность на мастера, взявшегося за его реставрацию. Здесь нет места шаблону, раз и навсегда установившемуся способу, нет универсального средства. Это всегда штучная работа, влекущая за собой весь спектр глубочайшего подлинного личного переживания и мук творчества.

Перечитывая книгу Л.С. Выготского «Психология искусства» [3], невольно проводишь аналогию между работой художника, творящего свои произведения в терзаниях и муках творческого поиска, взлетах и разочарованиях в сотворении задуманного, и работой психолога. Последний должен погрузиться в бездну переживаний другого, стать подлинным сострадающим участником разыгравшейся трагедии на сцене психической реальности страдающего, создавая условия освобождения, прозрения, понимания и в конечном счёте исцеления.

Проникнуть в тайну душевной жизни человека реального, как и «героя трагедии», крайне сложно, но есть, пожалуй, единственное условие при котором такая возможность появится. Это условие (я намеренно упрощаю язык) должно способствовать возникновению ситуации необычайной активности ума и духа «человека творящего», а в психологической практике и «человека страдающего». В этом месте, по моему мнению, состояния человека «творящего» и профессионально «помогающего» совпадают. Совпадают, прежде всего, переживания «ситуации необходимости и невозможности» участников этого действия. С одной стороны, человек испытывает потребность в решении жизненной (творческой) задачи, а с другой — понимает полную невозможность это сделать.

Разрешение противоречивой ситуации, по словам Л.С. Выготского, состоит в преодолении одного другим: невозможность — необходимостью; содержание — формой (К. Юнг); печальное — смешным (А. Бергсон); природное — культурным (З. Фрейд) и т.д.

Так, например, концепция выразительного действия и монтажа С.М. Эйзенштейна прямо соотносилась с психоаналитическим пониманием ошибочного действия. Выразительность движений актёра, по С.М. Эйзенштейну, строится на борьбе в нём противонаправленных сил, оно «ошибочно» по отношению к действию обычному, ибо оно изобразительно, и — наоборот. Чтобы изобразить движение к двери на сцене, нужно вначале сделать шаг от двери. Точно так же в основе монтажного соединения кадров лежит столкновение двух изображений. Результат — конфликтное напряжение между изображением и значением [30].

И сюрреалисты XX века для стимуляции творческого процесса практиковали упражнения заведомой ошибки и алогичности, создавая для себя конфликтную ситуацию, рекомендуя вести диалог, к примеру, на «безусловном языке», или «отталкиваясь» от слов. Возможно, этими находками в искусстве идейно «подпиталась» будущая гештальтпсихология.

Бесспорные, общепризнанные таланты и гении из разных областей искусства, науки и практики отмечают чрезвычайно напряжённую работу чувства и мысли, в этом состоянии «необходимости и невозможности». Человек в эти моменты пребывает в запредельных параметрах существования: «квазипотребностом» (Ф.С. Перлз), «пик переживаний» (А. Маслоу), «аутотеллическом» (М. Чиксентмихайи) состояниях, в определении которых всегда используется приставка «сверх».

Вот и К.С. Станиславский называет это состояние «сверхсознанием», в котором решаются «сверхзадачи». «Сверхсознание больше всего возвышает душу человека, и потому именно оно должно больше всего цениться и охраняться в нашем искусстве. Жизнь на сцене, как и в действительности — непрерывный ряд задач и их выполнение. Задача, возбудитель творчества и его двигатель. Задача — манок для нашего чувства. Процесс переживания состоит из создания партитуры роли, сверхзадачи и из активного выполнения сквозного действия» [17].

Переживание роли в актёрском искусстве — это способность актёра при каждом исполнении роли переживать чувства и мысли изображаемого персонажа как свои собственные. Переживание является творческой основой системы К.С. Станиславского.

Кроме этого, необходимо подчеркнуть вневременной характер творческого опыта. Время вплетается в «ткань творения» и перестаёт существовать для субъекта самостоятельно, являясь его частью.

В своей работе «Психология как практическая режиссура» П.М. Ершов ссылается на высказывание В. Дорошевича о Ф. Шаляпине: «Публика любит думать, что её любимцы не работают совсем. — Вышел и поёт... Потому — талант! Шаляпин работает только столько часов, сколько не спит» [8]. Хотелось бы добавить к этому, что работает и тогда, когда спит.

Черты творческого опыта проявляются естественно и спонтанно. В быту можно услышать выражения «пришло вдохновение», «муза посетила». Ещё в античные времена утвердился канонический список наук и искусств, покровителем которых был олимпийский бог Аполлон. Этого бога окружали прекрасные создания — музы, каждая из которых олицетворяла один из видов науки или искусства.

В самом характере творческого труда заключена главная особенность, которая отражает уникальность и неповторимость происходящего, а вместе с ним и полученного творческого опыта.

Творческий опыт можно определить как феноменологическое состояние субъекта, «самоцельно» переживаемое в процессе осуществления деятельности и выраженное в обнаружении, преодолении и преобразовании конфликтующих сторон реальности уникальными средствами.

Уникальность и неповторимость творческого опыта, существующего в пространстве противоречий, задавала и задаёт проблему соотношения нормы и патологии. Особенно интересным фактом, к приме-

ру, была неспособность психиатрии XIX–XX вв. отразить всё богатство души и её зависимость от духовности. Так, в начале 20-х гг. прошлого века психиатры коллективно оценили А.С. Пушкина — психопатом, Л.Н. Толстого — шизофреником, И.С. Тургенева — истериком, Ф.М. Достоевского — эпилептиком.

Классик психологии сознания У. Джеймс, признавая, что психические отклонения часто встречаются среди гениев, отказывается умалять их дела; напротив, он допускает, что именно болезненное сознание может служить причиной их духовного величия: «Если действительно существует нечто, дающее сверхчувственное знание о некой высшей реальности, то нет ничего невозможного в том, чтобы именно невротический темперамент был одним из основных условий для восприятия такого знания» [7].

Если согласиться с классиком в вопросе о зависимости гениальности от душевной болезни, то допустимо предположить, что духовность гения имеет место «не благодаря, а вопреки».

МОРАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Духовность в реальной жизни человека чаще всего ассоциирована с сознательным принятием и переживанием универсальных образов человеческой культуры как своих.

Определим моральный опыт как феноменологическое состояние субъекта, носителя и создателя нравственных норм, ценностей, смыслов совместной жизнедеятельности и поведения людей.

Глубинная психология, прежде всего в фрейдовской версии, видит этот опыт в идентификации ребёнка с ценностями родителей (значимых других) и интернализацией этих ценностей в «супер-Эго». Бихевиоризм рассматривает его как результат научения посредством распределения наград и наказаний взрослыми и сверстниками.

В гуманистической психологии моральный опыт получает содержательную наполненность смысложизненными ориентирами. Но возникает вопрос: гарантирует ли присутствие в жизни смысла её духовность? «Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смысл?», — спрашивал В.С. Соловьёв [18, с. 83]. Если есть, продолжает далее русский философ, то имеет ли он нравственный характер, коренится ли он в нравственной области? Если да, то в чём он состоит, какое ему будет верное и полное определение?

Веками длящиеся философские дискуссии на эту тему есть доказательство того, что для человека и человечества сам поиск смыслов и идеалов является фундаментальной духовно-психологической потребностью и самоценностью, а смыслоутрата, «экзистенциальный вакуум», — тяжелейшим недугом [25].

Одухотворённый человек (личность в точном смысле слова) раскрывается в авторском «прочтении» социальных норм жизни. Он воспринимает и оценивает социальный мир по-своему, выстраивая персональный и неповторимый способ жизни (по А. Адлеру — стиль жизни; по К.Г. Юнгу — индивидуация, проявление архетипа «самости»), подчиняя поведение голосу собственной совести. Таким образом, *смыслом духовного опыта становится индивидуация — преломление и воплощение в особом индивидуально-неповторимом образе надличностной реальности культуры, её осуществление в уникальной жизненной траектории: именно через духовный опыт индивид становится личностью — «ликом» надличностной реальности.*

Эта мысль гениально резюмирована С.Л. Франком в работе «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии»: «Сущность всеединства как духа, как реальности самоценного и самозначимого бытия обретает последнюю определённую лишь в конкретной индивидуальности. Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинно конкретностью индивидуального, подлинная общая правда совпадает с жизнью» [24].

Наиболее близкая по смыслу категория в научной психологии благодаря американскому психологу и психоаналитику Э. Эриксону определяется как идентичность. В концепции Э. Эриксона, идентичность («Эго-идентичность») сохраняет и поддерживает целостность, неразрывность личностной истории. Идентичность — это осознание человеком своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальной роли и эго-состояния. Она является ядром личности, обеспечивающим индивидуальность и неповторимость существования и, с точки зрения Э. Эриксона, является своего рода эпицентром каждого из восьми сменяющих друг друга жизненных циклов человека, составляющих основу его психосоциального развития [29].

Результирующая идентичность оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте, и от её характеристик зависит качество существования личности во взрослой самостоятельной жизни, так как она выступает необходимым условием духовного здоровья личности [6, с. 130–134].

Фундаментальная духовная потребность человека состоит в поиске смысла жизни. В нахождении смыслов человеку помогает совесть, анализ которой мы находим в работе В. Франкла «Подсознательный бог» [25].

Духовное, по В. Франклу, является «духовным бессознательным», которое невозможно рефлексировать. В качестве отправного примера мыслитель анализирует совесть. Совесть погружена в глубину бессознательного, она иррациональна, «дологична». Доморальное постижение ценности, которое принципиально предшествует любой эксплицитной морали. Франкл поясняет: «Если мы, однако, зададим себе вопрос, почему совесть функционирует обязательно иррационально, то нам необходимо учесть следующий факт — сознанию открыто сущее, совести же открыто не сущее, а скорее, напротив, то, что ещё не существует, а лишь должно существовать. Это должное не является существующим, оно лишь должно быть осуществлено; это не действительность, а лишь возможность»² [25].

Совесть — это, по Франклу, интуитивное предвосхищение «должного», обозначенное им как «духовная антиципация» [25], смысловой орган, интуитивная способность находить и реализовывать смысл своей жизни.

У выдающегося представителя гуманистической психологии Эриха Фромма духовное здоровье и моральный опыт связаны с достижением подлинности человеческого существования — жизнью по принципу *бытия, а не обладания* («Иметь или быть» [20]), ориентацией на биофиллические ценности жизни и творчества, созидания, роста и развития [22], преодолением отчуждения и обретением свободы как способности к самоосуществлению («Бегство от свободы» [19]).

Моральный опыт обретения подлинности бытия Фромм связывает с проблемой преодоления самообмана, когда «...часто индивид даже не осознаёт, что является действительным объектом его личного поклонения»³ [22].

«Цель жизни, — пишет Фромм, — состоит в полном рождении», которое связано с достижением полноты жизни, свободой и подлинностью бытия [21, с. 672].

Фроммовское «полное рождение» созвучно представлениям о нравственном рождении личности в концепции А.Н. Леонтьева, который утверждал, что личность «рождается дважды»: первый раз в рамках социальных отношений, второй — индивидуально, подлинно проживая конфликтную ситуацию конфликта мотивов и осуществляя свободный моральный выбор.

И в том и другом случае моральное начало, истинность человеческого существования определяется его отношением, а главное, обращением с явлением неподлинного, ложного. Простыми словами, пробным камнем моральности, источником морального опыта является искушение ложью.

² Примечательно, в этом контексте, что интуитивна по своей сути и любовь. Она тоже усматривает то, чего ещё нет. В отличие от совести, однако, любви открывается не то, что должно быть, а то ещё не существующее, что может быть. Любовь видит и раскрывает возможную ценностную перспективу в любимом. Она тоже своим духовным взором предвосхищает нечто — те ещё не реализованные личностные возможности, которые кроются в любимом человеке.

³ Нетрудно заметить, что рассуждения светского гуманиста Э. Фромма тесно переплетаются с одним из ключевых новозаветных постулатов соборного послания святого апостола Иоанна Богослова: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?».

На рис.1 схематично представлена авторская модель «онтологии лжи» в феноменальном пространстве морального опыта человека.

Закон естества — быть проявленным, выраженным, узанным, а следовательно, существующим и, как говорил М.М. Бахтин, СО-бытийным [1]. Всеобщая тенденция мира событийствовать ставит предмет нашего исследования — «ложь» — вне закона естественности и тем больше подогревает познавательный, а зачастую и нравственный интерес к нему.

В чём содержание и смысл той работы, которую выполняет ложь в жизни людей, автор попытался проанализировать в более ранней статье «Проблема лжи в психологии» [13, с. 19–22]. Здесь же мы опишем психологические механизмы и способы формирования морального опыта, приобретаемого через искушение ложью, когда ложь испытывает самого носителя лжи (рис. 1).

ЭТАПЫ МОРАЛЬНОГО ОПЫТА

1. Познание лжи.

Ситуация познания лжи связана с уникальным состоянием человека, который в своей жизни ещё не знаком с ложью как таковой. Ложь как таковая субъекту неизвестна, он её не различает, а следовательно, она для него пока не существует. В классическом случае это обычный ребёнок: по своему психологическому возрасту ему ещё рано отличать правду от лжи, он только учится это делать; познание со всей очевидностью реализуется в ходе познания, обучения и самой жизни.

Познание лжи — ситуация, в которой ребёнок как участник присутствует, но пассивно, для него ложь не существует, равно как и правда.

Чтобы узнать и почувствовать существование правды, ребёнок должен хотя бы раз обмануть, соврать, и только в этом случае он получит возможность узнать и оценить её (правды) естество. В языке, а часто и в речи детей можно фиксировать этот чувственный опыт как неправду. Неправда, как, впрочем, и любой другой опыт, сохраняется в лексическом строении языка и тем самым воспроизводится его носителем (для психолога это всегда дополнительный, а в некоторых случаях определяющий вербальный диагностический признак лжи).

Взрослый должен рассказать и показать маленькому человеку в доступной для него форме (игры, сказки, басни, детского спектакля или мультфильма, карикатурной раскраски альбома, домашних шуток и поговорок) существо нормального, морального и нравственного⁴. Ребёнок должен получить ответ на вопрос, поставленный Маяковским: Что такое хорошо и что такое плохо? Ему необходимо «выпукло», ярко представить персонажей «плохого», очерчивая красную линию с хорошим.

А пока перед нами ребёнок, получивший «прививку ото лжи», без всякой гарантии не быть поражённым этим вирусом вновь.

В этой ситуации может оказаться и взрослый человек, не способный распознать ложь, уже адресованную ему. В таком случае он (взрослый) по своему психологическому статусу идентичен ребёнку, который ещё или уже не узнаёт ложь. Сама ситуация законно ставит этого взрослого в положение ученика, познающего ложь.

Рис. 1. Феноменальное поле лжи

Познание лжи — ситуация, в которой субъект феноменально существует, как объект взаимодействия он пассивен, для него «ложь» как таковая (предмет) не существует; необходимо её познать.

Переживание лжи — ситуация, в которой опыт обмана получен, предмет осознан, эмоционально оценён, но не присвоен; процесс переживания протекает непроизвольно, как эмоциональная оценка полученного опыта.

Проживание лжи — ситуация, в которой происходит нравственный выбор, произвольный и опосредованный по своему характеру и средствам («муки совести»).

Противостояние лжи — ситуация, в которой опыт испытания ложью завершается для личности открытием нового способа существования, обретением статуса морального человека с устоявшимся, ясным и определённым отношением к должному/истинному и недопустимому/ложному, способного естественно противостоять недопустимому.

2. Переживание лжи.

Следующая ситуация: субъект уже обрёл опыт встречи с ложью. Ему уже известно, что правда — это хорошо, а ложь — это плохо. Но это привнесённый извне, заимствованный моральный опыт. Предстоит большой и трудный путь по внутренней, эмоциональной переработке полученного первоначально опыта, через его переживание, через эмоциональный, ещё до конца не осознанный диалог с самим собой.

Ситуация, в которой *обман* и *самообман* получают психологическое наполнение.

Как это будет происходить, показывает один из основателей московской школы психологии, первый декан факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьев на примере, который вошёл в историю психологической науки под названием «эффекта горькой конфеты» [11, с. 203].

В классе, где будет происходить эксперимент, кроме А.Н. Леонтьева (адресат лжи) находится 4-летняя девочка, кома выступающая пассивным носителем лжи (объект лжи); ей будет предложено участвовать в игре, которая предполагает соблюдение правил, социальных установок, чаще запретов (предмет лжи), а значит, выбора (в примере А.Н. Леонтьева — нравственного выбора). Девочке предлагают, не вставая с места, достать предмет — книгу, находящуюся на значительном, недостижимом для неё расстоянии. В качестве приза за выигрыш — конфета. Данные условия ребёнком приняты. Игра от «обратного» уже началась. А.Н. Леонтьев находится в классе и наблюдает за происходящим.

Я думаю, что читатель уже догадывается, что в данной ситуации девочке не удастся выиграть. Очевидно, мешает присутствие взрослого. А.Н. Леонтьев это хорошо понимает и выходит из класса, обещая скоро вернуться. Игра продолжается. Наступила классическая ситуация. Для ребёнка ситуация понятна: она одна; очень хочется выиграть; никого нет, никто не увидит и не узнает, как достигалась победа, а значит...

Через некоторое время А.Н. Леонтьев заходит в класс и видит радостное лицо девочки с книгой в руках и на условленном месте. Не подавая вида о вскрытом обмане, он начинает её хвалить за успех в этой игре и, как победителю, вручает конфету. Короткая пауза — и конфета уже во рту. А чуть позже, в полной тишине на глазах у ребёнка появляются слезы. Конфета, по своему смыслу, стала горькой, она получена незаконно, путём нарушения социальной договорённости, то есть *обмана*. Вот ситуация, в которой исследователь скажет: «личность родилась в первый раз», испытав проверку на совесть [11].

⁴ Особо интересно в контексте обучения обратить внимание на содержание и психологический смысл детских сказок, в которых ребёнок получает едва ли не первый опыт «правды — лжи». Обыватель скажет: «Как же так? Иван дурак, ленивый, безответственный, «недалёкого ума» человек, а является героем многих народных сказаний. Чему же может научить детей такой опыт? В чём польза таких сказок?». Ответ очевиден. «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок», — гласит народная мудрость. От «обратного» опыта становится понятным и доступным нормальное, естественное. Детское мышление парадоксально, а проблема «оборотничества» — контрапункт его развития.

Психологически важно заметить, что обманщик сообщает только часть подлинных сведений (полуправда), одновременно он утаивает другую часть важной информации. Обман можно сравнить с коктейлем, приготовленным из лжи и правды, а будет ли он выпит собеседником с аппетитом, зависит от искусства его изготовителя. А способ воздействия на него единственный — *воспитание*.

Будем считать, что «урок правды» состоялся. Что будет дальше — покажет время, но впереди ещё второе рождение личности. Оно, возможно, произойдёт, но уже в принципиально иной ситуации — ситуации индивидуального, глубоко осознанного, пережитого личностью выбора.

Но пока этого не произошло, существует серьёзная и, к сожалению, типичная модель в жизни многих — отложить этот выбор на длительное время. Переживание лжи начинается с того состояния, когда опыт обмана человеку известен, предмет лжи осознан, но эмоционально не оценён, не присвоен. В таком случае обращение лжи на своего носителя неизбежно. А в нашем анализе «переживания лжи» носитель лжи и её адресат совпадут.

В логике развития событий мы попадаем в ловушку, выход из которой даётся с большим трудом. Эта ловушка носит название *самообман*, когда человек обманывает себя сам. — Это как?! Зачем?! Почему?!

На языке специалиста-психолога ответ на эти вопросы будет звучать весьма лаконично — включился в работу *защитный механизм*, при котором позиция переживающего — оценочная, страдательная и, разумеется, ему не объяснимая. Филолог это состояние обозначит словом «самообман»⁵.

В словарях защитный механизм определяется как способ устранения или сведения к минимуму негативных переживаний, сопряжённых с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта.

Что защищается и от чего в нашем случае самообмана как результата переживания лжи?

Опыт лжи получен, но он эмоционально неприемлем. «Я» человека будет защищаться от этого переживания, с каждым разом совершенствуя способы его (переживания) путём отдаления от себя, вплоть до полного запрета для сферы сознания: нет переживания, нет и лжи. Ложь есть, но она не осознаётся. Обычная для защитного механизма работа — это, устранив переживание, скрыть и всё содержание предмета лжи, с ним связанное.

Как правило, переживания представлены классической триадой (невротической триадой К. Ясперса): тревога, вина, стыд [31]. Для нашего «Я» именно они представляют угрозы. От этих «спутников лжи» и будет защищаться наше слабое, по утверждению д-ра Фрейда, «Я». Для простоты изложения в дальнейшем все связанные с этим переживания мы схематично и будем маркировать как «ложь».

Убрать ложь из сознания, перестать осознавать, *вытеснить* за пределы психической жизни индивида — есть подавление — первый и далеко небезобидный способ манипуляций с ложью. Спрятал от сознания, но не избавился от неё. Оставил где? — В теле, где она, как артефакт, обязательно нарушит естественную работу организма в движениях и конструкциях тела, в поведении, в психическом облике. Недаром известный гештальт-терапевт Ф.С. Перлз утверждал: «Нарушение организма — признак подавления» [14]. Подобная защита в конечном итоге обрекает своего владельца на вынужденный отказ от подавления, а вместе с ним и возвращение былых дискомфортных переживаний.

Ложь, появившись в сознании, снова начнёт своё противоестественное дело, нарушая нормальную — естественную работу восприятия, мышления и речи, внимания и памяти.

«Включается» другой механизм защиты — «отрицание» — попытка неприятия источника угрозы как реального события. Источник угрозы

появился в сознании, а значит в речи, будет нарушать: «где логические ошибки, там и проблемы» (З. Фрейд) [26, с. 425–439].

В дальнейшем ложь упорно будет давать о себе знать, заставляя автора подбирать варианты оправдания, «удобное объяснение» неудобному положению (защитный механизм «рационализация»). Можно перенести предмет лжи на другой объект, тем самым снимая ответственность с себя (защитный механизм «проекция»). Можно заменить его противоположным («инверсия»). Но до конца защититься от лжи всё равно не удастся. В народе говорят: «от себя не убежишь». Логика событий будет диктовать психике необходимость снижения чувствительности, а вместе с ней и «регрессию» способа реагирования на сам предмет лжи, а значит, заставит вернуться человека к ранним, незрелым моделям реагирования. Такие реакции, как заплакать, убежать, спрятаться, замолчать тему, — не спасут от переживаний, они вновь будут проникать в чувственную ткань сознания, настойчиво предлагая разрешить проблему всерьёз.

Это далеко не полный перечень способов, которыми пользуется «защитник лжи», оберегая себя от правды. Любая сфера жизнедеятельности человека может быть искажена «работой лжи», принося с собой перспективу разрушения духовного и физического состояния.

Таким образом, моральное (личностное) рождение человека в первый раз с очевидностью можно определить как факт переживания, а с ним и осознания человеком существующего конфликта мотивов. Окрепшие и уже явно ощутимые, телесные, поведенческие, логические или моральные ошибки в сознании станут платой за отказ от правды и с необходимостью должны поставить перед человеком серьёзный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» моральным существом, который будет мучительно ожидать своего ответа.

Взрослый человек, находясь на этом уровне «обращения с ложью», в очередной раз защищаясь от посылов извне, испытает чувство тревоги, вины или стыда. К сожалению, не всем дано испытать прекрасное, невероятное по силе и глубине, освобождающее чувство правды, которое в языке выражено простым, а в душе чрезвычайно сложным словом — «Прости!».

3. Проживание лжи.

Переживания лжи, манипуляции с ней результата не дали. Игры обмана и самообмана у носителя лжи закончились, прятать её уже нет сил и возможностей. Ложь стоит на пороге своего выражения с настойчивым устремлением быть узанной. Сознание решительно отказывается от этой головоломки. Пути отхода закрыты. Ситуация достигла своей неотвратимой точки — точки невозврата, пика эмоционального напряжения.

Проживание лжи — ситуация, в которой происходит разрешение напряжённого конфликта мотивов, названных в народе «муками совести», а в нашем изложении — нравственным выбором. В физическом мире эту ситуацию называют точкой бифуркации — местом, где пространственно-временные параметры субстанции принципиально меняют свои характеристики. В языке этот кризис зафиксирован как собственно «ложь», а девочка в эксперименте А.Н. Леонтьева уже самостоятельно, в одиночку будет совершать этот сложный выбор.

Проживание ситуации психологически лишь усиливает личностное участие в ней человека: он внутри самой ситуации, её непосредственный участник, а не наблюдатель, как ранее. Принципиальный вопрос для человека преобразуется в задачу преодоления сложившихся обстоятельств. Преодолеть — значит пересилить, справиться с источником лжи, а не её спутниками — *тревогой, виной и стыдом*.

Для преодоления сложных обстоятельств необходимы усилия. Ближайшее в научной психологии приспособление для усиления — *воля*: необходимо волевое действие. На языке психологов сознания (Джеймс, Вундт), совершить психическое усилие — значит поместить в фокус сознания, сделать отчётливым и ярким, а на современном языке психологической науки — обратить внимание.

⁵ «Неправда» в первой фазе рассматриваемого морального опыта, так же как и «обман» во второй, основывается на неполноте или искажении информации, но в отличие от обмана «неправда» не утаивает известной информации, а возвращая не преследует иных целей кроме передачи сообщения. В случае «самообмана» человек верит в реальность существования ошибочной информации, сам того не осознавая и реализуя защитный механизм.

Обратил внимание — появилась возможность преодоления. Как воля, так и внимание требуют средств — «психологических орудий» (по Л.С. Выготскому)⁶.

Но в нашем случае мы имеем ситуацию психологического тупика, где настойчивая квазипотребность «естества правды» сочетается с полным отсутствием средств её выражения. «Как сказать? Что подумают? Какой позор!», — далеко не полный перечень выносимых самим человеком вердиктов, которые предваряют развязку этой драмы. Ситуация «необходимости и невозможности» — в полном смысле слова это ситуация кризиса в развитии личности. Необходимость выразиться, с одной стороны, и мобилизация психических сил до своих предельных возможностей — с другой, делают ситуацию уникальной. В ней появляется едва ли не единственная возможность решения жизненной задачи через проникновение в живую ткань самого переживания.

Прожить ситуацию — «взорваться изнутри» (Ф.С. Перлз) [14], получить персональный ответ на искомый вопрос. Прожить ситуацию значит измениться. Само проживание становится целью и средством своего решения, а результатом — открытие и нравственное *откровение* правды в ответе на гамлетовский вопрос, быть мне или не быть моральным человеком. Только в ответе на этот вопрос произойдёт персональное нравственное рождение личности во второй раз [11].

В ситуации проживания лжи осознанный конфликт мотивов разрешился установлением их соподчинённости. Личность решила вопрос об иерархии ценностей, смыслов, важного и неважного, первостепенного и второстепенного, высшего и низшего, подлинного и неподлинного. Конфликтующие мотивы заняли своё место в иерархической структуре мотивации личности, а мы вслед за А.Н. Леонтьевым психологически определим этот опыт как установление ценностной иерархии мотивов.

4. Противостояние лжи.

Ситуация, замыкающая «жизненный цикл лжи», — опыт испытания ложью — завершается для личности нравственным выбором, открытием нового способа существования, обретением статуса морального человека с устоявшимся, ясным и определённым отношением к должному/истинному и недопустимому/ложному, способного естественно противостоять недопустимому⁷.

В психологической науке это состояние давно получило обозначение как послепроизвольная регуляция.

Феноменально, что человек в этом психологическом статусе обрёл опыт особого рода, который понятийно точнее всего выражается словом «откровение»⁸. В акте откровения «ложное» перерождается в свою противоположность — «подлинное».

Механизм, реализующий осуществление и поддержание психологического статуса «противостояние недолжному», — *покаяние*.

Картина была бы не полной, если не зафиксировать случаи, когда искомый ответ складывается не в пользу правды. Прожив ситуацию, окунувшись в подлинность переживания человек, по какому-то парадоксальному закону, нелогичному стечению обстоятельств, уже осознанно выбирает стратегию обмана, тем самым нравственно ПЕРЕРождаясь, закрепляя за собой статус лгуна.

Психологический анализ обстоятельств этого события переносится в область психопатологии, где замедление, остановка, искажение, любое другое нарушение нравственного развития индивида обозначается как нравственная деградация, «моральное уродство». Герои романов Ф.М. Достоевского — эпилептоиды — одна из красочных, сложных для понимания, но убедительных иллюстраций этого феномена.

В такой трактовке понятие духовности и моральности служит антитезой эгоизму, жадности, похоти, агрессии, низменных инстинктов и

т.д., что подкрепляет общеизвестное представление о духовном как пути отказа человека от большинства из «семи смертных грехов».

Последнее обстоятельство позволяет уже повзрослевшую девочку из эксперимента А.Н. Леонтьева с «горькой конфеткой» рассматривать как субъекта религиозного опыта.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

Дух человека во многих религиозно-философских концепциях человека есть главное в его целостной телесно-душевно-духовной природе, источник жизни и средоточие активности души.

Само понятие «религиозный опыт», опыт «духа» в научный обиход ввёл У. Джеймс. Проблематика религиозного опыта оказалась в поле пристального внимания философских течений второй половины XIX — начала XX в., в отечественной философии представленных В.С. Соловьёвым, С.Н. Булгаковым, Н.О. Лосским, С.Л. Франком, И.А. Ильиным, Н.А. Бердяевым и др.

Религиозный опыт не является опытом в обычном его понимании: это специфический вид человеческого опыта — не чувственный, а сверхчувственный, порождённый общением с Богом и выражающийся в многообразных формах религиозного переживания. «Контакт» с божественной реальностью осуществляется в разных формах, но при этом все они воспринимаются и осознаются как уникальные бытийные состояния, присущие образу жизни верующего человека в отличие от человека, отчуждённого от общения с Божеством.

Определим категорию «религиозный опыт» как сверхчувственное состояние психики, в котором человек переживает себя пребывающим в контакте со сверхчеловеческим существом или могуществом, ощущает свою причастность к инобытию, к запредельной обыденному миру реальности (трансцендентному).

Духовность человека обнаруживает себя, когда становится способом жизни человека, когда открываются его личные отношения с Богом — высшей инстанцией бытия всего сущего. По-видимому, само понятие духовности имеет религиозное происхождение. Первоначальный предмет — Дух — имел обособленное от человека существование. Дух — первичное название Бога — в православии, одна из ипостасей Бога («Бог отец, Бог сын и Бог дух святой»). Затем это божественное начало было перенесено внутрь человека и стало его «душой».

Надо полагать, проникновение духа в человеческое существо определяет его, по словам А.С. Пушкина, в «соседство Бога», где сердце и разум человека открываются Высшему и обретают нужный для его постижения религиозный опыт.

С позиций светской науки религиозный опыт содержательно очерчен тремя сторонами: религиозным знанием; религиозным переживанием; религиозным действием (культом).

1. Религиозное знание.

Когнитивная часть религиозного опыта представляет знание, рационально воссоздающее образ божественной реальности. Это может быть знанием о Боге, Рае, людях и т.д., а также знанием о собственном внутреннем мире: осознание своей «богоподобности», свободы и греховности, «прошлой жизни», «атмане», и т.д.

Это знание содержательно определяется верованием, религиозно-мифологической, этической, лингвистической особенностью культурной традиции, к которой принадлежит носитель этого опыта.

Особенности культурной традиции определяют явленные в религиозном опыте образы божества или картины инобытия (например, сцены посмертного наказания грешников), содержание полученного наставления и т.д.

К общим для многих религий признакам когнитивного компонента данного опыта относят осознание абсолютной значимости и ценно-

⁶ В качестве примера можно воспользоваться спортивной метафорой «второго дыхания». Что делает спортсмен, чтобы преодолеть ощущение полного истощения и потраченных сил в ходе самого состязания? — Усиливает собственное представление себя (картинку себя в сознании) как победителя, уже стоящего на пьедестале почёта, или образ любимой девушки, ожидающей его на финише. В этот момент магическим образом приходят новые силы «второго дыхания».

⁷ Русский философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк скажет: «на словах или в отвлечённом мышлении большинство людей как будто ещё имеют какую-то веру: одни веруют в христианство, другие — в науку, третьи — в человека и т.п. Но мало у кого осталась та цельная, подлинная вера, определяющая всё поведение человека, выражающаяся в ясном и непосредственном понимании добра и зла, должного и недопустимого, в личной и общественной жизни» [23].

⁸ Откровение — то, что неожиданно раскрывает истину, делает совершенно ясным, понятным что-н.; (религ.) истина, явленная в акте самообнаружения священной реальности; открытие Богом себя и своей воли людям; непосредственное волеизъявление божества или исходящее от него знание как абсолютный критерий человеческого поведения и познания.

сти воспринятых смыслов, их сакральной природы. Обретенное знание обычно расценивается как откровение Бога, Брахмана и др.⁹

Воссоздание когнитивного содержания религиозного опыта для многих представляет чрезвычайную трудность, поскольку полученное знание с трудом поддается (или вообще не поддается) словесному выражению, невербализуемо. В таких случаях средствами выражения могут выступать графические символы (например, мандала), звуки, изображения (например, иконы), музыка, поведенческие акты (например, смех) и иные способы передачи смыслов.

В этой части уместно вспомнить об одной из разновидностей религиозного опыта — опыте мистическом¹⁰.

Под мистическим опытом (от греч. — таинственный) будем понимать — целостное, вневременное (инновременное), интуитивное, необъяснимое и невыразимое переживание человека (таинство) сверхъестественного, божественного, таинственного.

В своей работе П.С. Гуревич «Мистика как культурная традиция» [5] даёт подробную характеристику признаков мистического опыта: невыразимость; интуитивность; кратковременность; безвольность.

Мистическое погружение в себя, по мнению Н.А. Бердяева, есть всегда выход из себя, прорыв за грани. «В мистике есть духовное дерзновение и почин внутреннего человека, глубочайших глубин духа», — пишет классик [2].

Мистическое состояние, состояние изменённого сознания. Современным ближайшим аналогом его может служить сознание как надличностное начало в трансперсональной психологии. Теория «базовых перинатальных матриц», в интерпретации С. Грофа, будет ярким аргументом в пользу мистического опыта [4].

Система интерпретаций мистического опыта, если они возможны, составят когнитивную базу религиозного опыта.

2. Религиозное переживание.

Переживание религиозного знания составляет аффективную часть опыта. Вслед за У. Джеймсом постараемся проникнуть в содержание этой части религиозного опыта. Классик в своём знаменитом труде «Многообразие религиозного опыта» [7] различает понятия «личной религии» как персонально переживаемого человеком религиозного чувства и внешнего, обрядного действия культа. Модель Джеймса опирается по преимуществу на чувственный опыт по отношению к почитаемому Божеству, исключая из анализа обрядные, культовые действия верующего человека.

Научное знание рационально, религиозное знание опирается на веру, главными характеристиками которой, по У. Джеймсу, является «эмоциональность» и «интуитивность».

Обозначим смысловое пространство интуиции (позднелат. *intuitio* — созерцание, от глагола *intueor* — пристально смотрю) как особую чувствительность субъекта к требовательному характеру явления, амбивалентно переживаемую в ситуации когнитивной неопределённости, осуществляемую символическими средствами и выраженную в познавательном результате.

Джеймс приводит многочисленные примеры мистического переживания религиозными людьми присутствия Бога, «чувство реальности невидимого». Наука не может объяснить этот опыт рационально, но из этого отнюдь не следует его ложность. Эмоциональность и интуиция верующего, по Джеймсу, может быть ближе к истине, чем самые изощренные логические выводы разума. Рационализм не может и не должен претендовать на полное понимание всего происходящего в мире — эта мысль часто встречается у Уильяма Джеймса.

Джеймс рассматривает некоторые типичные чувства, сопутствующие личному религиозному переживанию, такие как: торжественность, которую он отмечает особо; значительность переживания; чувство покорности, сопровождаемое тем не менее восторженностью и любовью;

радостное настроение, которое может усиливаться при физических или духовных страданиях. «Религия делает для человека лёгким и радостным то, что при других обстоятельствах для него является игом суровой необходимости. Если религия — единственная сила, способная выполнить эту задачу, то ценность её, как проявления человеческого духа, стоит вне всяких сомнений», — заключает Джеймс [7].

К данному переживанию, с позиций носителя религиозного опыта, нелепо применять какие-либо критерии рациональности, потому что оно есть духовный процесс, возвышающийся над любыми интеллектуальными критериями объективности и субъективности. Но с позиций научного знания такой подход будет выглядеть малоубедительным.

Механизм аффективного осуществления религиозного опыта анализирует З. Фрейд в своём классическом труде «Тотем и табу», в котором проводит параллель между религиозными переживаниями и навязчивым неврозом. Религиозный опыт, утверждает классик психоанализа, порождается сублимацией либидозных переживаний [27].

А. Маслоу будет характеризовать это категорией «пикового переживания». Пик переживания — обобщающее понятие, введённое А. Маслоу для переживаний, связанных с внезапными ощущениями интенсивного счастья, полноты существования, которые нередко сопровождаются сознанием некоторой «абсолютной истины» или единства всех вещей [12, с. 284–287].

Венгерский психолог М. Чиксентмихайи характеризовал это состояние как аутотеллическое, предложенное им для обозначения самоцельного состояния, «состояния «потока», при котором действие эмоционально награждается его выполнением. Некоторое действие выполняется ради самого действия [28].

3. Религиозный акт — культ.

Поведенческая часть религиозного опыта преимущественно может быть описана через понятие «культа» (от лат. *cultus, colo* — возделываю, почитаю). Культ — поклонение святыням (коллективно значимым и принятым данной общностью идеальным ценностям), трансцендентный смысл которых символически выражен в зримой форме литургического хорового строя, ритуальных жестов, обрядов, магических формул и разного рода вещественных фетишей — от тотема-животного в архаических родовых группах до икон и абстрактных сакральных знаков развитых мировых религий. Но культ — это и нечто большее, чем поклонение: психологически и содержательно он есть «возделывание» практической связи с объектом поклонения и оформляется в своем внешне-практическом, действительном выражении, в своей экстерииризованной форме.

По способу возникновения религиозный опыт может быть спонтанным и искусственно вызванным. В первом случае он возникает без преднамеренных усилий человека, под влиянием каких-либо сильных внешних воздействий. Этим может быть великолепие природного ландшафта, угроза для жизни, состояния сна, болезни, клинической смерти и др. Во втором случае при искусственном продуцировании опыт вызывается особыми способами психологического или культового характера. К примеру, напряжённая молитвенная практика выражается в систематичном повторении «умных» молитв («Отче наш». Молитва Господня у христиан; «Первая сура Корана» у мусульман; «Амида» в Талмуде у иудеев), медитацией, ритуальными танцами и музыкой (ритмическим звучанием бубна), иными религиозными психотехниками.

Фундаментальное место в практической плоскости культовой деятельности занимает молитва — изначально присущая человеку потребность обращения к Богу. Молитва как дыхание души предполагала внутреннее состояние (молитвенное состояние), но чаще внешне-действенное выражение.

⁹ В религиозной традиции «откровение» может исходить как непосредственно от Бога, так и через посредников. Оно выражается в тексте «писания» (в иудаизме и христианстве — Библии, в исламе — в Коране) и в «предании», также получающем письменную фиксацию (в иудаизме — в Талмуде, в христианстве — в сочинениях «отцов церкви», в исламе — Сунне).

¹⁰ Слово «мистика» родилось, как считают специалисты, от глагола «мыин», который означал «закрывать глаза и рот». Вероятно, первоначальный смысл был связан с обетом хранить молчание, быть посвященным в мистерию — тайные культы, которые представляли собой пережитки древней религии поклонения Матери-Земле. Они сохранялись в гомеровскую и более поздние эпохи. Во времена классической Греции была тайна, которая скрывалась от посторонних и называлась «мистикой».

В некоторых религиях, например в шаманизме, ритуальная, культовая часть сама выступает стержнем мировоззренческой деятельности. Многие религии возникли (ислам) или существенно реформировались (иудаизм) благодаря тем личностям, интенсивный внешний религиозный опыт которых стал источником и мощным стимулом духовных и социальных преобразований.

В русской истории религиозный опыт Сергия Радонежского, видевшего Богородицу, ангела, небесный свет, слышавшего «глас Господень», был истолкован в условиях татаро-монгольского ига как знак заступничества со стороны «вышних сил», сыграв значительную роль в укреплении религиозного духа и патриотических настроений.

Некоторые культовые практики стимуляции мистического опыта предполагают использование наркотических и галлюциногенных веществ. В последние десятилетия эксперименты по продуцированию данного опыта в клинических условиях при помощи ЛСД и подобных психоделических препаратов проводились сторонниками трансперсональной психологии. («Холотропное» дыхание у С. Гроффа [4]).

Культовые практики всегда служили богатым источником развития не только религии, но и других сторон культуры человечества: изобразительного искусства, поэзии, музыки и др. В индивидуальной и общественной жизни культовые, обрядовые, ритуальные действия выполняют роль средств управления эмоционально-волевой сферой человека, служат средством совладания с трудными жизненными обстоятельствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личностное развитие индивида — это накопление духовного опыта, но было бы неверным понимать его лишь как усложнение челове-

ского бытия, усиление психических функций, способностей и других индивидуальных свойств человека.

Предложив авторские определения творческого, морального и религиозного опыта, в своей статье мы попытались проанализировать психологические особенности и психологические механизмы реализации различных видов духовного опыта.

Было показано, что творческий опыт обретается человеком в ситуациях «необходимого и невозможного» и преодоления одного другим: невозможности — необходимостью, содержания — формой, печального — смешным, природного — культурным и т.п., — в состояниях наивысшего умственного и эмоционального напряжения («сверхсоздания»).

Моральный опыт в значительной степени связан с неизбежным в жизни испытанием ложью, при котором приобретённый опыт является следствием прохождения субъектом 4-х необходимых стадий: познания, переживания, проживания и преодоления лжи (авторская концепция).

Религиозный опыт связан с обретением религиозного знания, религиозным переживанием и религиозным поведением (культом) — осуществлением своей глубоко личной связи с трансцендентным (абсолютной святыей).

Предложенные выводы позволяют представить общую задачу духовно-нравственного развития личности в более операциональных категориях, что очень важно для конкретной психолого-педагогической практики.

Рассмотренные подходы к исследованию духовного опыта человека, очевидно, не исчерпывают многогранность этого явления, а лишь ставят новые и новые вопросы, усиливая этим наше понимание смысла и сути предмета исследования.

Литература

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. — М., 1995.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. — М.: АСТ, 2011.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Современный гуманитарный институт, 2001.
4. Грофф С., Хелифакс Дж. Человек перед лицом смерти. — М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996.
5. Гуревич П.С. Возрождён ли мистицизм? Критические очерки. — М.: Политиздат, 1984.
6. Данилов С.И. Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. — 2012. — № 3. — С. 130–134.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. — М.: Наука, 1993.
8. Ершов П.М. Режиссура как практическая психология. — М., 1972.
9. Зеличенко А.И. Психология духовности. — М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. — М., 1993. — С. 414–424.
11. Льюис А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — С. 203.
12. Маслоу А. Психология бытия / Пер. с англ. — М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997. — С. 284–287.
13. Мырнин А.В. Проблема лжи в психологии // Юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 19–22.
14. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. — СПб.: Питер, 2011.
15. Платонов О.А. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. — М.: Изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2001.
16. Пушкин А.С. Египетские ночи. — М.: Росмэн-Пресс, 2002.
17. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. — М.: Азбука, 2015.
18. Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. — М., 1988.
19. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. — Минск: Попурри, 1998.
20. Фромм Э. Иметь или быть. Психоанализ и религия. — М.: Прогресс, 1990.
21. Фромм Э. Дзен-буддизм и психоанализ. — М.: Айрис-Пресс, 2004.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ, 2015.
23. Франк С.Л. Религиозные основы общественной жизни // Путь: Орган русской религиозной мысли (I–IV). — М., 1992. — С. 8.
24. Франк С. Непостижимое. — М.: АСТ, 2007.
25. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
26. Фрейд З. Я и Оно / Психология бессознательного: сб. произведений. — М.: Просвещение, 1990. — С. 425–439.
27. Фрейд З. Тотем и табу. — М.: Академический проект, 2007.
28. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
29. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М.: Прогресс, 1996.
30. Эйзенштейн С.М. Психологические вопросы искусства. — М.: Смысл, 2002.
31. Ясперс К. Общая психопатология. — М.: Практика, 1997.

SPIRITUAL EXPERIENCE IN THE MIRROR OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

A.V. Myrmin

Practicing psychologist, psychotherapist, the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

This article reveals the basic psychological approaches to the problem of human spirituality and analyzes signs defining it. It presents a phenomenology of the spirituality through an experience category. The author gives a definition of the spiritual experience. He defines meaningfully its types and levels: creative, moral, religious. The paper also shows a psychological mechanism of forming and implementing a creative experience. It presents the author's model of the phenomenological discourse of lie. Knowledge of lie. Feeling lie. Experience of lie. Confronting lie. It discovers a psychological structure of the spiritual experience: religious knowledge, religious experience and religious cult. The author also describes a psychological analysis of the mystical experience.

Keywords: spirituality; experience; creative experience; moral experience; stages of the moral experience; religious experience; mysticism; cult; revelation; repentance; identity; conscience; intuition; lie; deception; self-deception; personality.